

Владимир Иванович Сизов

**Предварительный отчет о поездке с
археологической целью в Курляндскую
губ. летом 1895 г.**

Москва : [Б.и.]
1896

EOD – Millions of books just a mouse click away! In more than 10 European countries!

Thank you for choosing EOD!

European libraries are hosting millions of books from the 15th to the 20th century. All these books have now become available as eBooks – just a mouse click away. Search the online catalogue of a library from the eBooks on Demand (EOD) network and order the book as an eBook from all over the world – 24 hours a day, 7 days a week. The book will be digitised and made accessible to you as an eBook.

Enjoy your EOD eBook!

- Get the look and feel of the original book!
- Use your standard software to read the eBook on-screen, zoom in to the image or just simply navigate through the book
- *Search & Find:* Use the full-text search of individual terms
- *Copy & Paste Text and Images:* Copy images and parts of the text to other applications (e.g. word processor)

Terms and Conditions

With the usage of the EOD service, you accept the Terms and Conditions provided by the library owning the book. EOD provides access to digitized documents strictly for personal, non-commercial purposes. For any other purpose, please contact the library.

- Terms and Conditions in English: <http://books2ebooks.eu/odm/html/utl/en/agb.html>
- Terms and Conditions in Estonian: <http://books2ebooks.eu/odm/html/utl/et/agb.html>

More eBooks

Already a dozen libraries in more than 10 European countries offer this service.

More information is available at <http://books2ebooks.eu>

В. И. Сизовъ
В. И. СИЗОВЪ.

Сизовъ

и др.
и др.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ
О ПОѢЗДКѢ
СЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЦѢЛЮ

ВЪ КУРЛЯНДСКУЮ ГУБ. ЛѢТОМЪ 1895 Г.

(Оттискъ изъ „Археолог. Извѣст. и Замѣт.“ №№ 2—3 1896 г.)

МОСКВА.

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА.

ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ, Д. МАМОНТОВА.

1896

В. И. СИЗОВЪ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ
О ПОЪЗДКѢ
СЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЦѢЛЮ

ВЪ КУРЛЯНДСКУЮ ГУБ. ЛѢТОМЪ 1895 г.

(Оттискъ изъ „Археолог. Извѣст. и Замѣт.“ №№ 2—3 1896 г.)

МОСКВА.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА.
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ, Д. МАМОНТОВА.
1896

1594

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества,
на основаніи § 56 его Устава

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

Предварительный отчетъ В. И. Сизова о поѣздкѣ его съ археологической цѣлью лѣтомъ 1895 г. въ Курляндскую губернію.

Согласно предложенной мнѣ Им. Моск. Археол. обществомъ командировкѣ я, выѣхавъ изъ Москвы 1-го іюня, прежде чѣмъ направиться въ Курляндскую губ.—главную цѣль поѣздки, занялся вмѣстѣ съ моимъ спутникомъ, Ю. Н. Сперанскимъ, раскопками въ м. Гнѣздовѣ (близъ Смоленска) могильника, уже раньше подвергнутаго мною, изслѣдованіямъ. Здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ дней, бывшихъ въ моемъ распоряженіи, было раскопано 45 кургановъ, обнаружившихъ обычный для указанной мѣстности обрядъ трупосожженія: пережженные кости были находимы въ горшкахъ, сдѣланныхъ изъ прекрасно обожженной красной глины и весьма характерныхъ для этой мѣстности какъ по своимъ формамъ, такъ и по орнаменту, состоящему изъ параллельныхъ извилистыхъ линій (волнообразный орнаментъ); кромѣ того днища нѣкоторыхъ горшковъ были украшены клеймами. Изъ серіи найденныхъ вещей особенное вниманіе обращаютъ на себя бронзовыя пряжки, медальоны, фибулы, орнаментированныя звѣринымъ и плетенымъ орнаментомъ скандинавскаго стиля. Хронологически вещи опредѣляются найденной въ видѣ привѣски бронзовой монетой византійскаго императора Льва Мудраго († 913 г.). Владѣлецъ могильника г. Филимоновъ любезно передалъ въ даръ Историческому Музею большой мечъ скандинавскаго типа съ серебряной рукояткой, замѣчательной по своей весьма тонкой техники; мечъ найденъ въ курганѣ владѣльцемъ Гнѣздова при производствѣ хозяйственныхъ работъ.

Въ первыхъ же числахъ іюня мы направились изъ Гнѣздова въ Курляндскую губ. Въ Ригѣ и Митавѣ изученіемъ хранящихся въ мѣстныхъ музеяхъ древностей я имѣлъ въ виду дополнить выработанную въ Москвѣ программу предстоящихъ занятій. Непрерывные дожди по-

зволили приступить къ археологическимъ изысканіямъ только черезъ недѣлю. Благодаря любезности г. Боя, преподавателя Митавской гимназіи, первыя поѣздки съ археологической цѣлью были совершены на югъ отъ Митавы, вверхъ по теченію р. Аа, прежде всего въ имѣніе бар. Франка — Оглей-Сессау, а затѣмъ въ им. кн. Ливена — Мезотень. Въ им. бар. Франка были найдены остатки могильника съ погребеніемъ, уничтоженнаго однако добываніемъ камня; нѣкоторые изъ найденныхъ при изслѣдованіи могильника предметовъ напоминали типы, извѣстные изъ раскопокъ Люцинскаго могильника: напр., мечъ своеобразной формы, напоминающей косарь, и витые браслеты. Что касается Мезотена, то въ этомъ имѣніи были осмотрѣны два городища, изъ которыхъ одно хорошо сохранилось; далѣе недалеко отъ господской риги, у картофельнаго поля, была сдѣлана мною пробная яма, въ которой были найдены человѣческія кости и бронзовая гривна, служившія доказательствомъ нахожденія на этомъ мѣстѣ древняго могильника; дальнѣйшее изученіе его было предоставлено мною владѣльцу. Найденныя въ обоихъ имѣніяхъ описанныя выше вещи, по желанію владѣльцевъ, я былъ вынужденъ оставить у нихъ и долженъ былъ ограничиться выраженіемъ желанія, чтобы онѣ, по крайней мѣрѣ, были демонстрируемы на предстоящемъ X-мъ Археологическомъ Съѣздѣ въ Ригѣ.

Въ виду того, что около Митавы лежитъ наиболѣе изслѣдованная мѣстными учеными область Курляндской губ., я предпочелъ направиться въ мѣстности, лежащія по берегу Балтійскаго моря, такъ какъ онѣ принадлежатъ къ числу наименѣе изученныхъ въ археологическомъ отношеніи; при этомъ ознакомленіе съ ними мнѣ казалось наиболѣе удобнымъ предпринять изъ Либавы и Виндавы.

Благодаря любезному содѣйствію начальника пограничной стражи полковника кн. А. С. Кречинскаго, мнѣ удалось съ большими удобствами прежде всего обслѣдовать мѣстность по морскому берегу до Верхней и Нижней Бартавы, гдѣ однако произведенныя мною пробныя раскопки не дали удовлетворительныхъ результатовъ, такъ какъ найденныя при костяхъ польскія монеты XVII в. (Яна Казиміра) свидѣтельствовали о позднемъ погребеніи.

Посѣщеніе знаменитаго могильника въ Капсетенѣ убѣдило, что могильникъ разрушенъ почти окончательно добываніемъ камня для устройства порта. Но подрядчикъ работъ г. Кобленцъ любезно предоставилъ въ даръ Историческому Музею коллекцію собранныхъ имъ на мѣстѣ предметовъ, тѣмъ болѣе важную, что значительная часть найденныхъ въ прежнее время въ этомъ могильникѣ вещей находятся за предѣлами Россіи, въ Берлинскомъ Музеѣ.

Дальнѣйшія изслѣдованія свои я продолжалъ черезъ Гробинъ, Дурбенъ, Лигутенъ и Газенпотъ къ Гольдингену. Пробныя изслѣдованія въ этихъ мѣстностяхъ обнаруживали однако лишь факты поздняго погребенія съ монетами XVII в. Изъ Гольдингена я отправился по теченію р. Виндавы до г. Виндавы; на этомъ пути мое вниманіе особенно было привлечено мѣстностями Шлекъ и Пассильномъ, куда я прибылъ послѣ не давшихъ положительныхъ результатовъ раскопокъ въ Набенѣ.

Пассильнъ лежитъ недалеко отъ Шлека и въ 35 верст. отъ г. Виндавы, на лѣвомъ берегу р. Виндавы; здѣсь былъ мною изслѣдованъ обширный могильникъ съ трупосожженіемъ; разработка его производилась здѣсь въ теченіе болѣе 10 дней. Одновременно невдалекѣ отъ Пассильна была мною изслѣдована еще одна мѣстность близъ усадьбы Пуне, гдѣ раскопки обнаружили могильникъ съ погребеніемъ, относящійся, судя по найденнымъ при костяхъ, монетамъ къ XVI—XVII вв. Въ им. Шлекъ (на правомъ берегу р. Виндавы) мнѣ удалось обнаружить 2 могилы, весьма интересныхъ по своей связи съ могильникомъ въ Пассильнѣ, лежащемъ на противоположномъ берегу рѣки.

Дальнѣйшія изысканія въ Варвенѣ, въ 10 верст. отъ г. Виндавы на лѣвомъ берегу р. Виндавы, въ имѣніи бар. Фелькерзама, весьма любезно содѣйствовавшему раскопкамъ, обнаружили остатки могильника съ трупосожженіемъ того же культурнаго типа, какъ и въ Пассильнѣ. Изъ Виндавы мною была предпринята экскурсія къ давно уже извѣстному въ археологической литературѣ могильнику въ Хазавѣ, лежащему между р. Хазавой и морскимъ берегомъ, въ 2-хъ верстахъ отъ послѣдняго. Раскопки этого могильника, весьма испорченнаго картофельными ямами, тѣмъ не менѣе дали много вещей, совершенно сходныхъ съ вещами изъ Пассильна; также сходнымъ оказался и самъ похоронный обрядъ — трупосожженіе. Далѣе, на самой р. Хазавѣ, въ 3-хъ верст. отъ изслѣдованнаго могильника, на правомъ, крутомъ берегу рѣки, былъ найденъ могильникъ съ погребеніемъ, судя по найденнымъ монетамъ, XV—XVI вв.; затѣмъ въ 35 верстахъ отъ могильника въ Хазавѣ, у истоковъ р. Хазавы, надъ озеромъ, въ мѣстности Альтшвангенъ мной изслѣдованъ могильникъ съ трупосожженіемъ, относящійся къ той-же культурѣ, какъ и могильникъ въ Пассильнѣ.

Кромѣ того мною были изслѣдованы окрестности г. Виндавы, и совершена развѣдочная поѣздка въ Попенъ и Ангермюнде. Изслѣдованіе окрестностей г. Виндавы дали отрицательные результаты. Окончивъ работы въ этомъ районѣ я переправился на пароходѣ въ Либаву, съ цѣлью сдѣлать оттуда побережную экскурсію до Полангена. Эта экскурсія дала возможность констатировать въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, близъ

берега, факты погребенія сравнительно новаго—XVI—XVII вв.; изслѣдованіямъ на р. Свентѣ препятствовали дожди и отсутствіе гр. Тышкевича, владѣльца сосѣднихъ лѣсовъ, въ Полапгенѣ. Перѣездомъ въ Либаву черезъ Палензе, Вурцаву и Нижнюю Бартаву закончилась моя длившаяся 2¹/₂ мѣсяца поѣздка въ Курляндской губ.

Закончивъ свой краткій обзоръ путешествія я считаю теперь удобнымъ перейти къ описанію коллекцій, найденныхъ въ Пассильнѣ и въ Хазавѣ (извѣстной у латышей подъ названіемъ “Ужава”). Наиболѣе богатый и научный матеріалъ оказался въ могильникѣ въ Пассильнѣ, впервые подвергнутаго мною научнымъ раскопкамъ. Могильникъ представляетъ небольшую плоскость, примыкающую къ современному сельскому кладбищу и возвышенную нѣсколько надъ ближайшимъ берегомъ рѣки Виндавы, которая однако во время разлива доходитъ до самаго могильника. Ровная поверхность не представляетъ никакихъ особенныхъ примѣтъ могильника, только въ одномъ мѣстѣ снятый дернъ указывалъ на случайную раскопку двухъ туристовъ изъ Риги. Отъ этого небольшого углубленія работа была начата траншеями, глубиной до двухъ метровъ. Разрѣзъ представлялъ вслѣдъ за дерномъ песчаный слой, смѣшанный съ мелкимъ углемъ и золой. Болѣе низкій слой, весьма мощный, состоялъ изъ сплошного угля, смѣшаннаго съ золой и бывшими въ огнѣ предметами. Этотъ черный слой покоился на слоѣ желтаго песку, имѣвшаго уже характеръ грунта. На этомъ грунтѣ попадались груды предметовъ, заботливо сложенные, состоящіе преимущественно изъ оружія, земледѣльческихъ орудій и конской сбруи. Такъ, напр., въ такой грудѣ почти всегда можно было встрѣтить мечъ, косу (иногда двѣ), серпы, наконечники копій и дротиковъ, шпоры, стремяна и бляхи отъ сбруи, а иногда и складные вѣсы. Вблизи такихъ группъ находилось небольшое количество жженныхъ костей, предметы женскаго украшенія какъ, напр., гривны, браслеты, большей частію поломанные и испорченные огнемъ. Скопленіе подобныхъ предметовъ обозначалось пониженіемъ чернаго слоя, образующимъ въ разрѣзѣ подобіе очертанія ямы; такихъ грудъ было найдено до 12-ти. Разстояніе между ними было до 2-хъ аршинъ.

Обращаясь къ инвентарю могильника, отмѣчаю прежде всего большое количество оружія весьма характернаго по техникѣ и стилю. Первое впечатлѣніе, полученное отъ найденнаго оружія, заставляло невольно вспоминать изображеніе на извѣстномъ коврѣ Матильды (*tapisserie de Bayeux*), изготовленіе котораго можно отнести ко времени послѣ 1066 г. Такъ изъ предметовъ вооруженія найденный мною шлемъ представлялъ собой совершенно норманскую шапку конической формы, со-

ставленную изъ 4-хъ треугольниковъ, прикрытыхъ у основанія вѣнцомъ съ наносникомъ, отъ котораго, впрочемъ, сохранилась только часть (рис. 1). Плохая сохранность шлема объясняется тѣмъ, что онъ былъ намѣренно сплюснутъ ударомъ, какъ и многіе другіе предметы, найденные при этомъ погребальномъ ритуалѣ. Найденные мечи представляли три формы: одни, наиболѣе длинныя, относятся къ типу скандинавскихъ мечей, изображенныхъ на упомянутомъ коврѣ и весьма близкихъ по

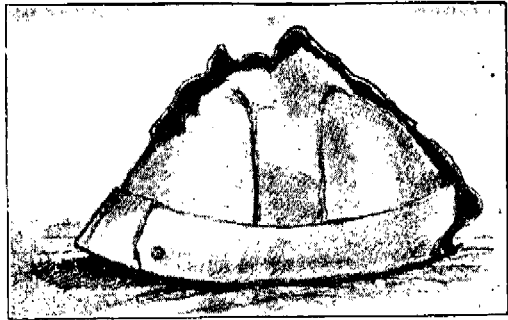

Рис. 1.

размѣрамъ и формамъ, къ находимымъ въ русскихъ могильникахъ, напримѣръ, въ Гнѣздовѣ и изъ раскопокъ города Бранденбурга въ южномъ Приладожѣ ¹⁾. Сходство это выражалось въ слѣдующемъ: широкій длинный клинокъ, имѣвшій посрединѣ ложбину, заканчивался рѣзко къ концу остриемъ, съ другого конца представлялъ широкій стебель или пятку клинка, на которую насаживались части рукояти, а именно: нижняя крестовина, по отношенію къ ширинѣ клинка очень небольшихъ размѣровъ, верхняя крестовина меньшаго размѣра, на которой покоилось уже закругленное навершье (рис. 3). Всѣ эти части рукояти украшались серебряной насѣчкой и даже накладнымъ или наварнымъ серебромъ съ черневымъ орнаментомъ. Широкий стебель клинка заставляетъ предполагать, что деревянной рукояти здѣсь не могло быть, а скорѣе стебель былъ обтянутъ кожей или тонкой серебряной проволокой, которая могла и не сохраниться при сожженіи, но сохранилась на одномъ экземплярѣ меча, найденномъ г. Бранденбургомъ при обыкновенномъ погребеніи. (*Мат. по Археологiи Россiи. Курганы юж. Приладожья, стр. 60*). Разумѣется, ножи отъ мечей не могли сохраниться, но найдено много наконечниковъ, отлитыхъ изъ бронзы и украшенныхъ рельефнымъ орнаментомъ того-же скандинавскаго стиля. Вообще мечи эти, повидимому, служили больше рубящимъ, чѣмъ колющимъ оружіемъ. Клинки, ограниченные почти параллельными линіями рѣзко отличаются отъ клинковъ XIII в., примѣры которыхъ мы видимъ въ мечахъ Довмонта и Всеволода - Гавріила псковскихъ, гдѣ клинокъ заостряется постепенно. Весьма возможно, что эти мечи являются здѣсь издѣліемъ завознымъ, хотя орнаменты рукоятей весьма просты и сбли-

¹⁾ Колл. Историч. Музея.

Рис. 2.

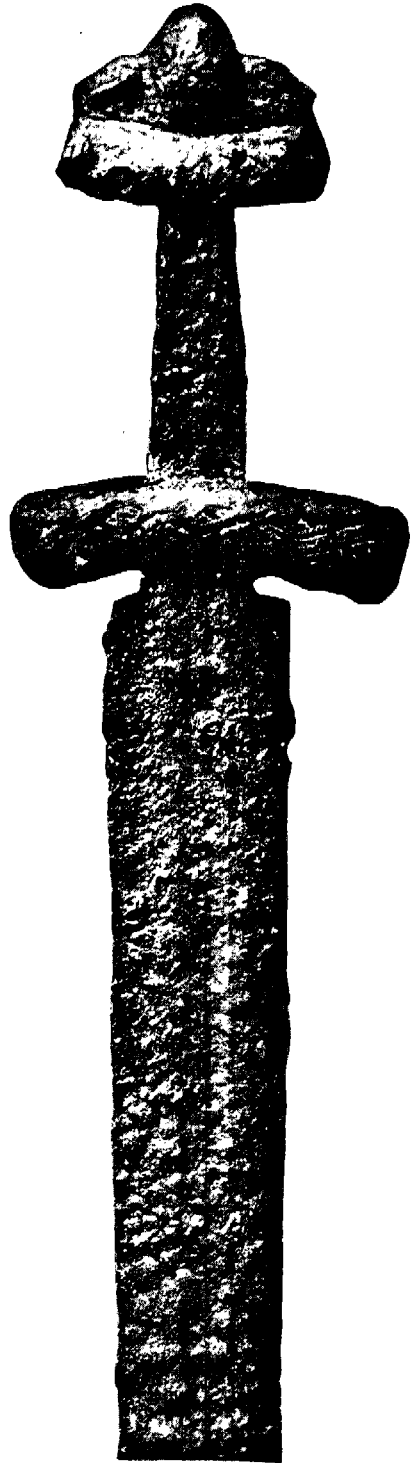

Рис. 3.

жаются съ орнаментами другихъ предметовъ этого стиля. Только мечъ, найденный въ Хазавѣ, хотя и относится къ этому-же типу, представ-

ляетъ разновидность въ томъ отношеніи, что, сохраняя тѣ-же формы, онъ отличается болѣе деликатными размѣрами и имѣетъ рукоять также какъ и наконечникъ отлитые изъ бронзы съ весьма изящнымъ орнаментомъ скандинавскаго стиля, съ характерными головками драконовъ на перекрестѣ (рис. 2). Второго типа мечи, можно думать, судя по простотѣ техники, относятся къ издѣліямъ мѣстнымъ: рукоятка состоятъ изъ весьма простаго желѣзнаго перекрестья, а верхушка — изъ выгнутой кверху и сплюсненной пластинки. Третьяго типа мечи въ цѣльномъ видѣ не найдены, но ихъ отличительная черта заключается въ наконечникѣ, состоящемъ изъ весьма массивнаго желѣзнаго шара, лишь слегка сплюсненнаго съ боковъ, и представляетъ собою зачатокъ той чечевицеобразной верхушки, которая составляетъ характерное украшеніе западныхъ мечей XII — XIII столѣтія. Цѣльныхъ мечей найдено 10, клинковъ безъ рукоятокъ такое-же количество и, кромѣ того, нѣсколько обломковъ отъ мечей. На одномъ клинкѣ сохранилось инкрустированное серебромъ клеймо, представляющее три знака, напоминающихъ букву Т. Возлѣ мечей неизмѣнно находились сѣкиры, весьма характерной скандинавской формы, встрѣчаемой въ изобиліи на изображеніяхъ ковра Матильды. Сѣкиры этого типа встрѣчались нерѣдко при раскопкахъ покойнаго г. Ивановскаго въ курганахъ въ бывшей Вотской пятинѣ¹⁾. Въ особенности интересенъ экземпляръ одной сѣкиры, весьма большихъ размѣровъ, поверхность которой съ обѣихъ сторонъ была сплошь украшена углубленнымъ рисункомъ изъ завитковъ, инкрустированныхъ прежде серебромъ; но отъ дѣйствія огня серебро сохранилось въ видѣ слившихся капель, которыми усыяна поверхность (Табл. I рис. 1). Кромѣ этихъ боевыхъ сѣкиръ найдено нѣсколько т. н. вотивныхъ топориковъ, миниатюрныхъ, повторяющихъ форму или описанныхъ выше сѣкиръ, или форму тѣхъ сѣкиръ, которыя обычны въ курганныхъ находкахъ центральной Россіи (Табл. I рис. 2 и 3).

Изъ числа многочисленныхъ наконечниковъ копій, найденныхъ въ Пассильнѣ и Хазавѣ, можно отмѣтить типы весьма изящныхъ, длинныхъ наконечниковъ (Табл. I. рис. 4) и болѣе короткихъ, широкихъ листовидной формы, напоминающихъ типъ La-Tène (Табл. I. рис. 5); встрѣчаются также копья ромбoidalныя, вытянутыя кверху (Табл. I. рис. 6). Кромѣ копій, найдено немало наконечниковъ отъ метательныхъ копій или дротиковъ, представляющихъ большею частью листовидную форму растенія дрока, на длинномъ стержнѣ, который заканчивается обыкновенно загибомъ, приспособленнымъ для болѣе неподвижнаго утвержденія

¹⁾ Подобнаго рода топоры употребляются въ настоящее время крестьянами всей центральной Россіи.

стержня въ дровкѣ (Табл. I. рис. 7 и 8). Подобнаго рода дроты за-
мѣчаются въ рукахъ воиновъ, изображенныхъ на коврѣ Матильды. Въ
группѣ оружія встрѣчались неизмѣнно и шпоры, нерѣдко въ одномъ

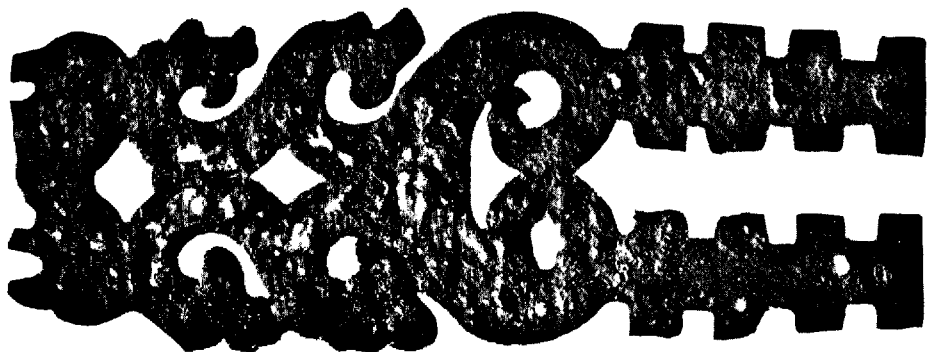

Рис. 4

экземплярѣ; найденныя шпоры представляютъ два типа: болѣе древ-
ній—шпоры съ шипомъ, болѣе поздній—шпоры съ подвижнымъ зубча-
тымъ колесикомъ; судя по отверстіямъ на концахъ, шпоры прикрѣпля-
лись при помощи ремня къ ногѣ, какъ это изображено на упомянутомъ
коврѣ (Табл. I. рис. 9 и 10). Особенно характерными предметами могиль-
ника можно считать большое и разнообразное количество предметовъ,

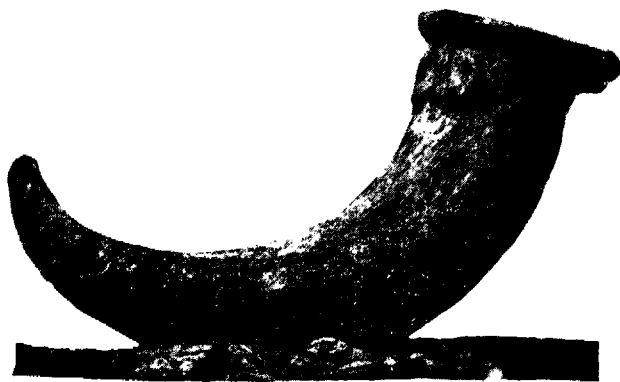

Рис. 5

относящихся къ конской сбруѣ. Такъ кромѣ стремянъ обычной формы
за исключеніемъ, впрочемъ, одного стремени, весьма своеобразнаго по
формѣ (Табл. I рис. 11) къ числу предметовъ конской сбруи можно
отнести плоскія, круглыя желѣзныя бляхи съ полушарообразной среди-
ной и тремя ушками, къ которымъ посредствомъ загибовъ прикрѣплялись
красиво-вырѣзныя желѣзныя пластинки, составлявшія часть набора уздеч-

ки (Табл. I рис. 12 и 13); иногда впрочемъ одна изъ пластинокъ замѣнялась цѣпью. Къ набору уздечки можно также отнести множество пластинокъ, зубчатыхъ съ одной стороны (Табл. II рис. 14 и 15). Всѣ упомянутые предметы, сдѣланные изъ желѣза, украшены были сплошь густо наложеннымъ серебромъ (наварнымъ) съ тонкимъ черневымъ узоромъ. Слѣды серебра на этихъ бляхахъ мѣстами сохранились весьма

Рис. 6.

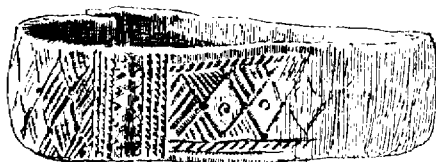

Рис. 7.

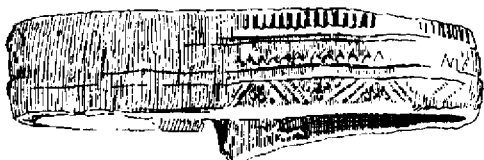

Рис. 8.

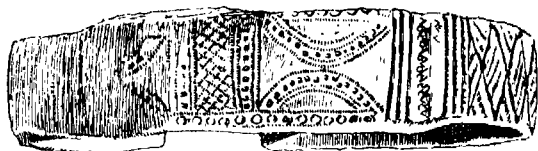

Рис. 9.

Рис. 10.

Рис. 11.

явственно. Въ особенности красивымъ узоромъ отличается бляха (рис. 4), весьма характерная для помянутой культуры, стилемъ своимъ напоминающая вмѣстѣ съ другими подобными бляхами вырѣзную работу изъ дерева. Весьма вѣроятно, что къ числу сбруи слѣдуетъ отнести также крестообразныя желѣзныя фибулы, и квадратной формы большую желѣзную фибулу, представляющую собой вариантъ бронзовыхъ фибулъ, найденныхъ въ Пассильнѣ.

Вмѣстѣ съ грудями оружія всегда находимы были и орудія земледѣлія: косы и серпы. Косы весьма большихъ размѣровъ, прикрѣплялись къ древку посредствомъ загиба, приспособленнаго для укрѣпленія обоймища или кольца. Такимъ-же способомъ прикрѣплялись въ большинствѣ случаевъ и серпы, хотя у нѣкоторыхъ экземпляровъ встрѣчаются уже сверлины для гвоздей. Какъ при грудяхъ оружія, такъ и въ сторонѣ найдено большое количество бронзовыхъ оправъ отъ роговъ для питья (болѣе 100 экземпляровъ). Въ цѣльномъ видѣ сохранился только одинъ

экземпляръ (рис. 5); эти сосуды сдѣланы изъ бычачьихъ роговъ, оправлены съ широкаго конца бронзовымъ кольцомъ съ вырѣзными бронзовыми пластинками, къ которымъ иногда прикрѣплялись колечки (Табл. II рис. 18). Весьма интересно отмѣтить здѣсь, что большое количество найденныхъ роговъ, въ сравненіи съ количествомъ другихъ предметовъ, напр., мечей, указываетъ на тотъ фактъ, что присутствовавшіе бросали рога къ останкамъ покойника и это тѣмъ вѣроятнѣе, что рога не сохранили ни малѣйшихъ признаковъ огня.

Бронзовые складные вѣсики также находимы были часто при грудахъ оружія, нерѣдко съ двустороннимъ бронзовымъ футляромъ, а вблизи находились и разновѣски.

Переходя къ украшеніямъ (гривнамъ и браслетамъ) слѣдуетъ замѣтить, что они находились часто невдалекѣ отъ груды оружія и представляли изъ себя сдѣвленную въ комъ и сплавленную массу предметовъ, при чемъ нужно обратить вниманіе на тотъ фактъ, что почти всѣ найденныя гривны, за немногими исключеніями, представляютъ видъ жгута находимаго большей частью въ мелкихъ обломкахъ (Табл. II. рис. 16 и 17). Браслеты вообще не сомкнуты массивные, неширокіе (Табл. II рис. 23). Въ наибольшемъ количествѣ экземпляровъ по отношенію къ орнаменту они представляютъ не много варіантовъ (рис. 6—11, Табл. II рис. 21); лишь немногіе экземпляры напоминаютъ форму выгнутого листа, указывающую на уцѣлѣвшія традиціи гораздо болѣе древняго времени (Табл. II, рис. 19).

Въ найденныхъ перстняхъ замѣчаются двѣ основныя формы: перстни въ формѣ жгутика, расширеннаго въ одной части и перстни въ формѣ простаго кольца, расширенная середина котораго представляетъ видъ овальнаго щитка, украшеннаго орнаментомъ (Табл. II. рис. 20 и 22). Къ женскимъ украшеніямъ должно отнести остатки бусъ, пощаженныхъ случайно огнемъ; бусы по большей части желтыя изъ пасты и изъ стекловидной массы темнаго цвѣта; онѣ укрѣплялись различнымъ способомъ: болѣе крупныя нанизывались на толстый желѣзный стержень или гривну, что ясно указываютъ сохранившіеся остатки; болѣе мелкія, желтыя, нанизывались на тонкія бронзовыя проволоки, которыя въ нѣсколько рядовъ лежали на верхней части груди и придерживались въ порядкѣ поперечными бронзовыми бляхами, съ отверстіями для проволоки; эти бляхи поддерживали низки бусъ въ постоянномъ порядкѣ¹⁾. Къ числу привѣсокъ можно отнести ромбической формы медальоны на цѣпочкахъ съ горошчатымъ орнаментомъ и такого-же типа медальоны круглой формы;

¹⁾ Подобный способъ прикрѣпленія рядовъ бусъ посредствомъ поперечныхъ пластинокъ встрѣчается еще въ весьма древнее время.

литые изъ бронзы маленькіе четырехконечные крестики т. наз. корсунскаго типа, находимые часто въ могильникахъ средней Россіи и относящихся къ XI—XII вв. Въ числѣ привѣсокъ найдено также 11 серебряныхъ монетъ, западныхъ, относимыхъ къ XIII в., и одинъ брактѣатъ, отнесенный къ началу XIV в. ¹⁾.

Изъ числа найденныхъ фибулъ, особенно характерными для изслѣдованной мѣстности, можно считать фибулы небольшого размѣра, витыя

Рис. 12

Рис. 13

жгутикомъ, концы которыхъ приподняты и напоминаютъ форму драконовыхъ головокъ (Табл. II рис. 27). Другого рода подковообразныя фибулы отличаются болѣе массивнымъ характеромъ, гладкой поверхностью, украшенной рельефными перехватами, напоминающими издѣлія т. н. готскаго стиля (Табл. II рис. 24). Наиболѣе массивныя подковообразныя фибулы имѣютъ рубчатую поверхность (Табл. II рис. 25). Особый типъ представляютъ весьма крупныя плоскія квадратной формы фибулы съ квадратными прорѣзками на поверхности (Табл. II рис. 26) слѣдуетъ замѣтить, что подобныя фибулы хотя и встрѣчаются въ другихъ могильникахъ, какъ, напр., въ Люценскомъ, но встрѣчаются лишь спорадически, что указываетъ тамъ на ихъ заносный характеръ.

Къ предметамъ домашняго хозяйства и промысловъ можно отнести большую коллекцію желѣзныхъ ножей, различной формы съ орнаментомъ на клинкахъ, и также шила, мелкое долото и огнива двухъ обычныхъ типовъ, встрѣчаемыхъ въ курганахъ средней Россіи, висячіе замки и фрагменты отъ сосудовъ. Послѣдніе находились всегда разбросанными на большомъ пространствѣ; въ большинствѣ случаевъ поверхность имѣли гладкую, причемъ только по краю отверстія находился рубчатый

¹⁾ Монеты были любезно опредѣлены А. В. Орѣшниковымъ и г. Иверсеномъ.

вдавленный орнаментъ. Только два фрагмента сохранили орнаментъ на поверхности (рис. 12 и 13). Одинъ изъ фрагментовъ (рис. 13) можно отнести смѣло къ волнообразнымъ (Wellenornament), представляющій специфическій признакъ славянскихъ гончарныхъ издѣлій. Какъ ни мелки найденные черепки посуды, они даютъ однако полную возможность утверждать, что это были сосуды удлиненной формы, расширены кверху съ небольшими загнутыми бережками. Составъ глины весьма грубый, съ большой примѣсью кварца, темнобураго цвѣта. По расположенію черепковъ и по ихъ дробности должно предположить, что сосуды эти при погребеніи разбивались и никогда не ставились цѣлыми. Грубый составъ глины быть можетъ указываетъ на тотъ фактъ, что сосуды изготовлялись специально для упомянутого обряда.

Культура могильника Пассильна путемъ раскопокъ была обнаружена мною не только въ Хазавѣ (Ужавѣ), но также въ Альтшвангенѣ и Варвенѣ. Сходство заключается не только въ предметахъ но и въ обрядахъ погребенія; принесенная Историческому Музею въ даръ г. Кобленцомъ коллекція древнихъ вещей изъ могильника въ Капсетенѣ, по нашему мнѣнію, указываетъ также на родственный характеръ этихъ вещей съ культурой Пассильна, хотя въ данномъ случаѣ мы не можемъ касаться вопроса о сходствѣ въ погребальномъ обрядѣ. Такимъ образомъ, культура Пассильна захватываетъ мѣстность приблизительно отъ г. Виндавы, такъ какъ разстояніе между городомъ и могильникомъ въ Варвенѣ-Пассекстенѣ всего 7 верстъ, далѣе вверхъ по р. Виндавѣ на 35 верстъ, т. е. до Пассильна, и отсюда линія культуры по моимъ изслѣдованіямъ идетъ до истоковъ р. Хазавы (Ужавы) у мѣстечка Альтшвангена и, наконецъ, по р. Хазавѣ, внизъ почти до самаго устья въ двухъ верстахъ отъ моря.

Если предположить родственную связь съ могильникомъ въ Капсетенѣ, то линія эта по берегу моря на югъ можетъ дойти почти до Либавы или точнѣе до Гробина, вблизи котораго находится Капсетенъ.

Обращаемся теперь къ фактамъ, представляющимъ обыкновенное погребеніе. Вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ находились изслѣдованные мною могильники съ сожженіемъ мнѣ приходилось встрѣчать и могильники съ обыкновеннымъ погребеніемъ. Такъ, въ Пассильнѣ верхній слой могильника былъ занятъ вставленными туда въ выкопанныхъ ямахъ погребенными скелетами; уже по самому характеру устройства этихъ могилъ, вставленныхъ въ чужомъ слоѣ пережженныхъ костей, золы и угля, можно ясно опредѣлить болѣе поздній характеръ этого погребенія, прикрывшій собою болѣе древній могильникъ съ трупосожженіемъ и находящійся въ живой непосредственной связи съ современнымъ кладби-

щемъ латышей. Характеръ найденныхъ при этихъ скелетахъ вещей точно также указываетъ на различіе времени и въ особенности на различіе культуры обитателей этихъ мѣстъ, сжигавшихъ своихъ покойниковъ, съ обитателями, погребавшими ихъ. Изъ числа предметовъ, найденныхъ при скелетахъ, слѣдуетъ обратить вниманіе прежде всего на тѣ, которые представляютъ сходство съ вещами и до настоящаго времени встрѣчающимися у латышей, какъ, напр., сакты (т. е. пряжки въ формѣ плоскаго кольца съ булавкой), бронзовые пояса въ формѣ цѣпей, которые до настоящаго времени составляютъ старинный нарядъ латышской женщины; вѣнчики изъ бересты съ бронзовыми пластинками; наконецъ щетки изъ пучковъ жесткихъ волоконъ до сихъ поръ существующіе у латышей взаимнѣ гребней. Наконецъ, слѣдуетъ обратить также вниманіе на положеніе скелетовъ, весьма опредѣленное съ востока западъ (головой на западъ). Монеты указываютъ также на болѣе поздній характеръ этихъ могилъ. Такимъ образомъ по нашему мнѣнію, нѣтъ сомнѣнія что погребенные покойники относятся къ латышскому населенію и ко времени ихъ первоначальной колонизаціи этихъ мѣстъ. Въ Шлекѣ, по правую сторону рѣки Виндавы, въ трехъ верстахъ отъ Пассильна вверхъ по теченію, найдены скелеты относящіеся къ той-же латышской культурѣ, но болѣе древняго времени.

Связь могилъ въ Шлекѣ съ могилами съ погребеніемъ Пассильнѣ, устанавливается найденными совершенно сходными наконечниками своеобразной формы и орнамента отъ ноженъ кинжаловъ, поясомъ въ формѣ цѣпи, сактами и, наконецъ, самимъ положеніемъ скелета головой на западъ.

Подобнаго рода могилы съ погребеніемъ встрѣчены мною внизъ по Виндавѣ верстахъ въ 2-хъ отъ Пассильна, на землѣ крестьянина Пуне, а также вблизи отъ берега Виндавы, въ 3-хъ верстахъ отъ могильника съ сожженіемъ въ Варвенѣ, и въ 3-хъ верстахъ отъ могильника въ Хазавѣ, на крутомъ правомъ берегу рѣки.

Указанные факты заставляютъ предполагать, что культура могильника съ сожженіемъ въ Пассильнѣ и другихъ сходныхъ съ нимъ могильникахъ предшествовала во всей означенной мѣстности болѣе поздней латышской культурѣ.

Обращаясь затѣмъ къ вопросу объ опредѣленіи національнаго характера пассильнскаго могильника съ трупосожженіемъ, мы считаемъ пока преждевременнымъ относить этотъ могильникъ къ той или другой народности, но считаемъ умѣстнымъ теперь-же указать на черты культурнаго сходства и различія съ древностями сосѣднихъ странъ. Такъ нельзя не отмѣнить, что замѣченное мною съ самаго начала сходство съ скандинавской культурой ограничивается исключительно пред-

метами вооруженія; но въ украшеніяхъ и земледѣльческихъ орудіяхъ уже нельзя найти связи съ этой культурой; сходство-же въ оружіи не даетъ рѣшающаго значенія этому факту, такъ какъ этого типа оружіе было весьма распространеннымъ по всему побережью Балтійскаго моря. Здѣсь-же слѣдуетъ отмѣтить только тотъ характерный фактъ, что типы найденнаго оружія отличаются весьма большимъ архаизмомъ по отношенію ко времени могильника, опредѣляемому найденными монетами. Нельзя также не указать, на ту характерную особенность могильника, что среди найденныхъ тамъ вещей большое количество относится къ украшениямъ конской сбруи, отдѣланнымъ весьма богато накладнымъ серебромъ и чернью, но по орнаменту не имѣющимъ большаго родства съ Скандинавіей. Это богатство украшеній, относящихся, безъ сомнѣнія къ боевому коню, заставляетъ невольно вспоминать о священномъ значеніи боеваго коня у язычниковъ Рюгена и Штетина; даже гаданье по средствомъ коня, какъ и въ упомянутыхъ святилищахъ, существовало еще въ среди туземцевъ Прибалтійскаго края во время Генриха Латышскаго, что по нашему мнѣнію, указываетъ на живую культурную связь между упомянутыми мѣстностями и святилищами Рюгена и Штетина. Переходя затѣмъ къ орнаментаціи вещей, напр., браслетовъ и привѣсокъ, мы встрѣчаемся здѣсь съ элементами простого геометрическаго орнамента, но по тонкости выполненія и разнообразію комбинацій основныхъ формъ представляющаго весьма оригинальную и достигшую извѣстной степени совершенства стадію развитію (рис. 6—11).

По нашему мнѣнію, наибольшее сходство вещей пассивскаго могильника мы находимъ съ вещами, добытыми изъ раскопокъ въ мѣстностяхъ восточной Пруссіи, Бранденбурга и Помераніи. Такъ, сравнивая найденныя вещи съ вещами, изображенными на фотографіяхъ въ Photographisches Album der prähistorischen und anthropologischen Ausstellung zu Berlin 1880 г. мы находимъ полное тождество въ слѣдующихъ предметахъ: наконечники дротиковъ (Табл. I рис. 7 и 8), копій всѣхъ типовъ (Табл. I рис. 4—5), отчасти меча (различіе въ этомъ случаѣ лишь въ томъ, что мечъ изъ Бранденбурга при сохраненіи той-же техники представляетъ болѣе яркій примѣръ скандинавской орнаментаціи); особенно замѣтно сходство въ фибулахъ и въ черепкахъ сосудовъ, которые по надписямъ въ названномъ изданіи опредѣляются терминомъ „jüngstes heidnisches Zeitalter“. Указанный нами архаизмъ не ограничивается только оружіемъ, но обнаруживается по сравненіи съ коллекціями въ Пруссіи и въ другихъ предметахъ; такъ, напр., упомянутыя нами выше низки бусъ на проволокахъ, перехваченныя бронзовыми пряжками имѣютъ своимъ прототипомъ перехваты для бронзовыхъ гривнъ

уложенныхъ въ нѣсколько рядовъ и относящихся въ Пруссіи къ концу бронзоваго вѣка. Что касается погребенія безъ урнъ, безъ насыпки кургановъ, то подобные факты встрѣчаются на побережьѣ Пруссіи (Beschreib. d. vaterland. Alterthümer im Neustettiner und Schlochauer kreise v. Kasizki). Такимъ образомъ вообще связь изслѣдованнаго нами могильника въ Пассильнѣ, какъ главнаго среди ему подобныхъ, является для насъ весьма вѣроятной съ побережьемъ Пруссіи не только на основаніи сходства вещей, но и на основаніи самого обряда погребенія; съ другой стороны нельзя не замѣтить рѣзкаго различія въ культурѣ могильника въ Пассильнѣ съ культурой того-же прибалтійскаго края, но относящейся къ тѣмъ насельникамъ, которые не сожигали а хоронили своихъ покойниковъ. По нашему мнѣнію сходство *нѣкоторыхъ* предметовъ *въ отдѣльности* съ предметами изъ того или другого могильника не могутъ нарушить или ослабить общаго впечатлѣнія несходства. Въ настоящее время мы ограничимся этими лишь указаніями, оставляя пока болѣе сложные историческіе и національные вопросы въ сторонѣ—до болѣе благопріятнаго времени.

www.books2ebooks.eu